

ЮБИЛЕЙ

Неэфффе́ктивный Довлатов

65-й годовщине со дня рождения писателя
посвящен радиосериал
«Проза Сергея Довлатова» - в эфире
«Радио России» по будням в 12.10 и 17.10

Ольга ПАВЛОВА

«...мы - люди придаточного предложения, за-ви-х-ря-ю-щ-и-х-ся прилагательных. Говорящий кратко, тем более - кратко пишущий, обескураживает и как бы компрометирует словесную нашу избыточность».

Слова Иосифа Бродского, сказанные им по поводу Сергея Довлатова, дают ключ к звучанию довлатовской прозы. Они приходят на ум, когда думаешь о природе успеха радищиков, обратившихся к этой прозе. Читающие, а лучше сказать, проговаривающие, рассказывающие довлатовские тексты актеры, кажется, сами испытывали божественную легкость и сладостное удовольствие. И дело не в одном разматывании клубка сюжета, столь же простого, сколь парадоксального. Внезапности, подначки, абсурдные реалии советской жизни, певцом которых был Довлатов, срываются в неожиданный лиризм, в исповедальное признание, короче короткого, сказал - и проехало, а уже зацепило и пришло нас к нему, персонажу, как все другие, ничуть не лучше, а то и хуже других, со всеми неправильностями и неправедностями его бурного существования, а вот поди ж ты, сердце шемит от сочувствия.

В рассказе «Блюз для Натэллы» какая-то история какой-то молодой грузинской женщины по имени Натэлла Бокучава, с веселыми деталями, и - неожиданный финал, где появляется автор: «Девушка исчезла в толпе, а я упрямо шел за ней. Я шел, хотя давно уже потерял Бокучаву Натэллу из виду. Я шел, ибо принадлежу к великому сословию мужчин. Я знаю, что грубый, слепой, неопрятный, расчетливый, толстый, циничный - буду идти до конца».

«Из моей жизни. Поэзия и правда» - называлась одна из книг Гете. Поэзия и правда - суть прозы Довлатова. Прав-

В сериале «Радио России» Игорь Костолевский выступил в неожиданном амплуа.

да о других, но более всего о себе.

Рассказ в сериале «Радио России» звучит в исполнении Игоря Костолевского. Его не узнать. Низкая нота, взятая им, с хрипотцой да еще с еле уловимым грузинским акцентом, как старая сепия, укореняет и увековечивает картину жизни, и оттого грусть и горечь.

В рассказе «Компромисс пятый» Марина хочет ребенка от автора, а он, вяло отнекиваясь, сообщает ей, что отправляется в родильный дом. Понимай как хочешь: быть может, там уже кто-то, кто от него родил. Проклятия Марины. А в роддоме - длинный, чудный, нелепый разговор с эстонским доктором: все происходит в Советской Эстонии, второй после Питера колыбели Довлатова-писателя и Довлатова-журналиста, и на самом деле журналист Довлатов получил задание написать о рождении человека. Ни с того ни с сего он спрашивает, можно ли поспать у доктора за ширмой, и получает ответ: конечно. «Я снял ботинки и улегся. Нужно было сосредоточиться. Иначе контуры действительности безнадежно расплывались. Я вдруг увидел себя издали растерянным и нелепым. Кто я? Зачем здесь нахожусь?.. И как глупо сложилась жизнь!..»

И опять раздолбайская эта жизнь объясняется, виноватится и оправдывается вопросами, задаваемыми человеком самому себе, из главного разряда: кто мы, откуда и куда идем.

Виктор Татарский читает рассказ «Компромисс» просто и обыкновенно, местами смешно, а прерывается смех - той же горечью и той же грустью.

Грустно и смешно - на протяжении всего сериала. Хорошо отобран материал: помимо названных рассказов - «Виноград», «Креповые носки» и, самое мое любимое, «Заповедник». Получилась антология Довлатова. Как воровали, каждый на своем месте, как спекулировали, как бездельничали - портрет населения на фоне советской власти. Один из населения - Довлатов. Его метаморфоза: «от воровства - к литературе. Не считая прелюбодейя...». Прелюбодейя - поскольку в день дележа левых денег впервые отдался «экстрарагантной замужней женщине Регине Бриттерман». «В тот день я стал мужчиной. Сначала вором, а потом мужчиной. По-моему, это как-то связано».

Николай Фоменко, Александр Лазарев-младший, Александр Филиппенко читают довлатовскую прозу на «Радио России» - для участия в сериале были приглашены самые-самые. И все у них получилось.

...Бродский описывает смерть Довлатова: «Столь кошмарного конца - в удушливый летний день в машине «Скорой помощи» в Бруклине, с хлынувшей горлом кровью и двумя пуэрто-риканскими придурками в качестве санитаров - он бы сам не написал: не потому, что не предвидел, но потому, что питал неприязнь к чересчур сильным эффектам...»

Поэзия и правда - суть прозы Довлатова

204